

**ПРОБЛЕМА ДЕКАБРИЗМА
В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ МЕНТАЛИТЕТА
(К ПРОБЛЕМЕ “ДЕКАБРИЗМ И МЕНТАЛИТЕТ
РУССКОЙ ДВОРЯНСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ”)**

Тема декабристов всегда была и поныне остается одной из самых привлекательных для исследователей. Основательно изучены предпосылки движения декабристов, их политические программы, восстания, происходившие в декабре 1825 г. Но утверждать, что тема исчерпана нельзя. Более того, развитие науки, политический и духовный опыт приобретаемый людьми в течение времени, всегда заставляет снова и снова возвращаться к прошлому,

просматривать страницы истории в поисках ответов на вопросы, поставленные современностью. А часто и настоящая жизнь заставляет по-новому взглянуть на прошлое. Прошлое нельзя изменить. Что было, то было, и преступлением было бы переписывать прошлое, менять его факты или скрывать их. Другое дело философия истории – толкование фактов прошлого, поиски и раскрытие мотивов действий и поступков тех или иных исторических героев исторического момента или подлинной сути личности, жившей много лет тому назад. Время же, особенно переломные эпохи, как наша, очень часто вносят коррективы (как заметил член-корреспондент РАН Л. В. Милов), выявление из нагромождения часто противоречивых фактов и характеристик реальной картины того или иного в традиционную проблематику исследований [12, с. 195]. И если раньше советской историографией преимущественное внимание уделялось экономической и политической истории, которая трактовалась, исходя из развития производительных сил и производственных отношений, и явно недооценивались культурно-психологический, цивилизационный, личностный факторы, то сейчас все больше внимания историками-исследователями уделяется проблеме ментальности, социальной психологии, мировоззренческим и поведенческим аспектам социальной истории [12, с. 195; 9, с. 86-98; 20; 6.]. Время показало, что не только производительные силы и производственные отношения движут исторический прогресс, но и идеи и настроения, требования людей, которые часто обусловлены не только экономикой и политикой, но и нравственно-этическими мотивами. Декабристы в этом отношении самый выразительный пример. И у современников и у потомков они часто вызывали недоумение как своими политическими намерениями, так и своим выступлением, которое не только по техническим, но и по иным (скорее психологического и этического порядка, чем политического) оказалось обреченным. Декабристы возмущались крепостничеством гораздо больше по нравственным, чем по экономическим соображениям. Рабство им было ненавистно прежде всего потому, что оно противно человеческой природе и божеским законам. Ведь, понимая экономическую невыгодность и политическую опасность рабства, Николай Тургенев, Павел Пестель, Никита Муравьев, Сергей Трубецкой, Иван Якушкин, Владимир Раевский, Владимир Штейнгейль и другие (многие потомственные душевладельцы!) осуждали крепостное право как нравственную мерзость, источник всех пороков общества, и всячески выискивали способы от него избавиться, и убедить в необходимости истребления этого зла верховную власть еще задолго до 1825 года. А, вспомним, сколько труда и награсных потуг у советских историков вызвало желание напрямую связать декабризм с историей производительных сил и производственных отношений. Мы, конечно, не можем отрицать вообще экономического фактора и заслуги Покровского, Нечкиной, Дружинина и других исследователей в раскрытии его воздействия на политические процессы в начале XIX в., но все же у них много преувеличений. Чего стоит одно только утверждение Покровского о связи декабризма с рынком льна и развитием внешней торговли России [14, с. 239-240]. Хотя у Покровского очень много весьма ценных для нас выводов, в частности, о предпосылках декабризма. Например, он отметил наличие в декабризме сильной аристократической струи [14, с. 227], что в России имел место “аристократический республиканизм”, и русский престол, начиная от Екатерины I и кончая Александром I, был избирательным (!) и что республиканские идеи Детю-де-Траси и других западных публицистов падали на “хорошо подготовленную почву” [14, с. 245-246]. Весьма достоин внимания и следующий вывод: “Дворяне 1825 г. не прочь

были пойти по стопам своих предков. Но часть дворянства, которая твердой ногой стояла во дворце и могла сделать переворот, но не хотела той свободы, о которой мечтали декабристы. А к тем, кто им мог помочь, они не смели обратиться. В этом роковом кругу и задохнулся заговор, недостаточно аристократический для дворцового переворота и слишком дворянский для народной революции” [14, с. 268]. Это в чем-то спорно, но небезосновательно. М.В. Нечкина, Н.М. Дружинин внесли огромный вклад в изучение не только идеологии декабристов, но и в изучение личностного аспекта декабризма. В. А. Федоров в монографии “Декабристы и их время” (М., 1992) уже особо отметил, что экономические процессы “оказывали воздействие на освободительное движение и общественную мысль не прямо, а опосредствованно, через множество других факторов и явлений” [17, с. 37].

Проблема ментальности – один из тех факторов в истории, роль которого очень важна, но мало изучена, особенно в отечественной историографии. Если зарубежной историографией, особенно французской школой Анналов, постоянно уделялось значительное внимание культурно-психологическому аспекту истории, изучению менталитета народов, сословий, личностей, исторических эпох, то у нас этим преимущественно интересовались писатели, философы, литературные критики, редко – историки.

Понятие менталитет впервые было введено в научный оборот Французским антропологом Леви-Брюлем в 20-е гг. Оно применяется для обозначения совокупности свойств и качеств, склада ума и умонастроений как отдельных людей, так и разных социальных групп, сословий, прослоек. Понятие менталитет может носить и содержательно-идентификационную нагрузку (либеральный, тоталитарный, демократический, пролетарский, революционный, реакционный) политико-идеологического характера [15, с. 174-176].

Что касается декабристов, то декабризм – это именно то нравственное явление русской истории, которое нельзя ни правильно и полностью понять, ни объективно оценить без обращения к исторической психологии и культурологии, без изучения ментальности того класса и слоя, из которого вышли декабристы, более внимательного анализа духовно-психического склада и умонастроений декабристов в связи с сущностью духа времени и условиями, которые существовали. Нельзя также правильно понять, почему так сильно эхо декабристов более, чем полтора столетия, несмотря на незначительные масштабы самих выступлений в декабре 1825 г., не изучив, помимо политического и идеологического, духовного влияния декабристов на русское общественное сознание. Нельзя понять заполитизированности и жертвенности русской интеллигенции, не изучив ее происхождение и историю формирования, поворотным пунктом которой был 1825 год, а важным звеном в исторической цепи – сами декабристы. Для понимания же декабризма и характера русской интеллигенции нужно внимательно изучить ментальность и культурно-политическую роль русского дворянства. Без этого останется много белых пятен.

Здесь необходимо уточнить некоторые термины и обобщить правильно сформулировки темы: “Декабризм и менталитет русской дворянской интеллигенции”. Декабризм – это не только политическое движение, вылившееся в декабре 1825 г. в восстания в Петербурге и Киевской губернии, возглавленные членами тайных обществ, это еще и очень важное культурно-политическое и нравственное явление в истории русского общества, важная веха в судьбе русского дворянства и духовной элиты России, в истории взаимоотношений общества и власти. Давая ретроспективную оценку событиям 1825 г., Лунин писал:

“Восстание 26/14 декабря, как факт мало значительного как принцип – в высшей степени важно. То было первое открытое выражение народной воли в

пользу представительной системы и конституционных идей, распространенных русским тайным обществом" [11, с. 137]. Они были первыми в истории страны, кто открыто и осознанно позволил себе не согласиться с произвольным решением судьбы страны и народа, иметь свое мнение, противопоставить интересы нации узким интересам династии и корыстным планам придворной камарильи. Эти дворяне открыто осудили крепостное право и сословные привилегии, нравственно возвысившись над своим классом и, вместе с тем, оправдав дворянские вольности, нарушившие когда-то социальное равновесие в ущерб крестьянству, искупая собой крепостнические грехи русской власти и русского дворянства, жертвуя собой. Декабристы в то же время являлись наилучшими и благороднейшими представителями дворянской интеллектуальной элиты, боевым авангардом дворянской интеллигенции.

Что касается понятия интеллигенции и отношения к ней декабристов, то хотелось бы отметить следующее. Определение понятия интеллигенция, на первый взгляд, казалось бы очень просто и его можно найти во всех словарях: "интеллигенция, как писал В.И. Даль, – это разумная, образованная, умственно развитая часть жителей" [5, с. 46]. В словаре С. И. Ожегова, "Философском энциклопедическом словаре", "Кратком политическом словаре" определение интеллигенции примерно сводится к следующему: интеллигенция — слой людей, профессионально занимающихся умственным трудом, творчеством, развивающих и распространяющих культуру [13; 19; 8]. Но в то же время, надо признать, что это определение недостаточно и неудовлетворительно, особенно, когда мы говорим о русской интеллигенции XIX – первой четверти XX века. Дело в том, что, как известно, понятие интеллигенция изначально возникло в России, где, помимо этого, существовало понятие образованный класс. Если последнее понятно, то первое нуждается в исторической справке.

Словом интеллигенция в пореформенную эпоху окрестили определенную группу людей разночинского в основном происхождения, стоявшую в радикальной оппозиции к власти, часто скептически относившуюся и к самим реформам, проводившимся этой властью, и ратовавшую за интересы народа. Интеллигентами называли (это было и самоназвание) земских служащих (учителей, статистов, врачей и др.) и народников, специально избравших профессии, чтобы принести пользу народу (крестьянам). Под словом интеллигенция понимались люди не только образованные, но и обрекшие себя на служение народу. Это понятие с самого начала приобрело и нравственный оттенок. С понятием интеллигентность связывают и понятия нравственности и демократизма, терпимости, способность к пониманию, неравнодушие к общественным порокам [3, с. 64, 66; 10, с. 51-54]. Понятие интеллигенция, интеллигентность довольно быстро укоренилось в русском языке, распространилось в России и было заимствовано европейцами, хотя, как справедливо заметил Г.П. Федотов, неудачно, потому что в Европе нет вещи, которая могла бы быть названа этим именем [18, с. 404]. Думается, не совсем удачно было распространено это понятие и на всех образованных людей вообще. Ведь с самого начала слово интеллигенция приобрело именно морально-политическое звучание. Бердяев, Федотов и другие мыслители, посвятившие исследованию проблемы интеллигенции много трудов, отмечали, что интеллигенция – это не профессиональная категория и не социальный класс, но группа людей, объединенная нравственным и политическим идеалом, ради которого готова на любую жертву, группа, имеющая свой кодекс чести и свои традиции [3, с. 64-65; 18, с. 404-406]. Лучшее определение интеллигенции, пожалуй, дал Р.В. Иванов-Разумник, который писал, что это "этически антимищанская; социо-

логически внесословная, внеклассовая, преемственная группа, характеризующая творчеством новых форм и идеалов и активным проведением их в жизнь в направлении к физическому и умственному, общественному и индивидуальному освобождению личности [7, с. 27]. Впрочем, и вокруг понятия интеллигенция, и вокруг самой интеллигенции велись всегда ожесточенные споры. Русская интеллигенция была нередко и восхваляема и проклиняема. В спорах активнейшее участие принимали сами интеллигенты: достаточно вспомнить сборник "Вехи" и спор вокруг него [4, с. 20]. В задачу данной работы не входит их рассмотрение. Но, надо отметить, что с самого начала была видна не только разная идеологическая направленность интеллигенции, но и неоднородность в этическом, эстетическом, интеллектуальном (культурный уровень) планах.

Н.А. Бердяев выделил даже два понятия интеллигенции. Первое:

"Интеллигенция — это лучшие, избранные люди страны, созидатели духовной культуры нации, творцы русской литературы, русского искусства, философии, науки, религиозные искатели, хранители общественной правды, пророки лучшего будущего. К такой интеллигенции, в лучшем смысле этого слова, принадлежали Пушкин и Лермонтов, Гоголь и Тургенев, Л. Толстой и Достоевский, к ней принадлежали Чаадаев, славянофилы, Белинский и Герцен, Вл. Соловьев, русские философы, ученые и художники, все общенациональные вожди русской культуры, сознательные слои русской общественности" [2, с. 69-70]. Это, по мнению автора, лучшая интеллигенция, настоящая, ибо это "Лучшая часть общества, наиболее образованная, наиболее развитая, наиболее благородная, наиболее талантливая и творческая, она есть соль земли, истинная выразительница народного духа, носительница народных идеалов, а не интересов; народность ее не зависит ни от прерогатив дворянских, ни от прерогатив разночинских" [2, с. 70]. В противоположность первой интеллигенции другая, которую Бердяев называет "третьим элементом"¹ "ведет свое происхождение от 60-х гг., она имеет сильный сословно-классовый привкус, а не общенародный и общенациональный; она кичится своим разночинским, демократическим происхождением как привилегией, гордится своим отщепенством, отсутствием традиции духа как заслугой; она заявляет непомерные притязания на решающую роль в русской истории" [2, с. 70]. В этих "интеллигентах" Бердяев видит полуобразованное, малокультурное, самодовольное и крикливое интеллигентское мещанство, которому он противопоставляет всех тех, кто сумел стать выше своих узкосословных и прочих корыстных интересов (особенно дворян, среди которых были и декабристы) во имя всенациональных идеалов и высшей справедливости. Он писал: "Дворянин, вольно отрекающийся от своего сословного самоутверждения во имя всенародной правды, становится тем самым частью народа, нации, он не менее народен, чем крестьянин или пролетарий, отрекающийся от своего классового самоутверждения и борющийся против несправедливого гнета, и более народен, чем крестьянин или пролетарий, утверждающийся в своей классовой исключительности и самодовольстве [2, с. 75]. Кающиеся дворяне были истинными представителями русской интеллигенции. Именно в борьбе за общественное благо, родоначальниками которой были Радищев и декабристы, — главная заслуга русского дворянства. Бердяев так же отмечал, что "заслуги дворянства всегда были связаны с сословным самоотречением, свободным подчинением общенародной и общечеловеческой идее, заслуги эти были возвышением над ограниченным бытом своего сословия, преодолением классовой корысти и вожделений" [2, с. 76]. Бердяев осуждал сословное чван-

¹ Определение самарского вице-губернатора Кондоиди в 1899г. (Приведено в кн. Н.А. Бердяева "Духовный кризис русской интеллигенции". Примечания. С. 375).

ство, он утверждал, что “аристократизм не есть привилегия, аристократизм – долг, обязанность благородства, служение, noblesse oblige². Аристократия внутренне существует как благородная порода, как царский дух “[2, с. 76]. Эти черты встречаются в основном в дворянстве, хотя и в очень небольшой части. Бердяев надеялся на появление именно в среде интеллигенции нового рыцарства, которое возродит традиции старого аристократического благородства [2, с. 78]. В бурную эпоху первой четверти ХХ в. этим мечтам уже мудрено было сбыться, но именно декабристы в свое время были воплощением этого рыцарского идеала. Выходцы из дворянства, из наиболее образованных его слоев, они стали важной вехой в истории формирования русской интеллигенции, они сумели подняться выше своих сословных интересов и, как восторженно писал Иванов-Разумник, “с беззаветной верой в идеал, с энтузиазмом и со страстной любовью к отечеству (по выражению Пестеля) направились по тому пути, который уже был обозначен в прошедшем ссылкой Радищева, шлиссельбургским заточением Новикова, и которому предстояло быть отмеченным после неудачного декабристского восстания пятью виселицами 13 июля 1826 г. и каторжными работами десятков декабристов [7, с. 90]. В декабристах дворянские понятия чести, долга, служения Отечеству сочетались с интеллигентскими стремлениями к справедливости, истине и свободе, ко всеобщему благу и просвещению. Незадолго до казни К.Ф. Рылеев высказал это в письме к Оболенскому:

*“Для цели мы высокой созданы;
Спасителю, сей истине верховной,
Мы подчинять от всей души должны
И мир вещественный и мир духовный...” [16, с. 113].*

У декабристов были единицы предшественников – наиболее умных, честных и справедливых представителей общества, – но у них было много последователей, ибо они разбудили в обществе совесть, обратили внимание на многие постыдные стороны действительности, заставили интересоваться и спорить о прошлом и настоящем России. Интеллектуальные кружки их времени (с их участием) сделали огромный культурный почин. И в Сибири они сумели сделать привлекательными знание и культуру. Они распространяли вокруг себя веру в добро и справедливость. Доктор Н.А. Белоголовый, воспитавшийся под влиянием декабристов, писал о них впоследствии: “Истинное просвещение сделало то, что люди эти не кичились ни своим происхождением, ни превосходством образования, а, напротив, старались искренно и тесно сблизиться с окружающей их провинциальной средой и внесли в неё свет своих познаний; все пройденные ими в жизни испытания наложили на них печать ни озлобления, ни человеконенавистничества, а безграничной гуманности, необыкновенного благодушия и скромности... Благотворное влияние их на окружающую среду было глубоко, хотя, быть может, и не легко уловимо, потому что достигалось медленно и незаметно, не громкими фразами и блестящими делами, а разумной и всегда согретой гуманными наклонностями беседой и личным примером безукоризненной честности во всех проявлениях своей будничной жизни на виду у всех. Каждый из них в отдельности и все вместе взятые – они были такими живыми образцами культуры, что естественным образом поднимали значение и достоинство ее в глазах всякого, кто приходил с ними в соприкосновение...” Многие сибиряки “в силу этого непосредственного

² (фр.) – благородство обязывает.

обаяния просвещения, почувствовали большую потребность в духовных наслаждениях жизни, стали больше читать и особенно стали заботиться" об образовании своих детей [1, с. 53].

У декабристов был дворянско-интеллигентский менталитет: дворянские и рыцарские понятия о чести, привычки себя держать сочетались с интеллигентностью, высокой культурой и страстью к знаниям; дворянский патриотизм соединялся у них со стремлением к социальной справедливости. Г.П. Федотов, отмечавший беспочвенность русской интеллигенции, писал о декабристах, что они "почвенны": "Они тесно связаны со своим классом и с государством. Они живут полной жизнью: культурной, служебной, светской", что они были "офицеры русской армии, люди службы и дела..." Исследователь отметил, что либерализм декабристов, "как никогда впоследствии, питается национальной идеей" [18, с. 423]. Для них было характерно глубокое уважение к народу, его культуре, но любовь к народу у них никогда не доходила до самоуничтожения во имя народа.

Таким образом, декабризм целесообразно и актуально рассматривать именно в контексте менталитета русской дворянской интеллигенции, так как в этом ракурсе выясняется истинная сущность и значение декабристов в русской истории, в развитии русского самосознания. И выясняются истинные причины декабризма, как закономерного и положительного результата духовного развития русского дворянства.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Белоголовый Н.А.** Из воспоминаний сибиряка о декабристах // Русские мемуары. Избранные страницы 1826 – 1856 гг. – М., 1990.
2. **Бердяев Н.А.** Духовный кризис русской интеллигенции. – М., 1998.
3. **Бердяев Н.А.** Русская идея // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – М., 1990.
4. Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции (1909). – Свердловск, 1991.
5. **Даль В.И.** Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1981. – Т.2.
6. **Ерасов Б.С.** Социальная культурология. – М., 1994.
7. **Иванов-Разумник Р.В.** История русской общественной мысли. – Пг., 1918. – Т.1.
8. Краткий политический словарь. – М., 1989.
9. **Куприянов А.И.** Историческая антропология в России. Проблемы становления // Отечественная история. – 1996. – № 4.
10. **Лихачев Д.С.** Письма о добром и прекрасном. – М., 1988.
11. **Лунин М.С.** Письма из Сибири. – М., 1987.
12. Ментальность и аграрное развитие России в XIX – XX вв. Международная конференция в Москве. И.Н. Слепнев // Отечественная история. – 1996. – №1. 13. **Ожегов С.И.** Словарь русского языка. – М., 1982.
14. **Покровский М.Н.** Избранные произведения. Русская история с древнейших времен. – М., 1965. – Т.3-4. – Кн.2.
15. Политология. Энциклопедический справочник. – М., 1993.
16. **Рылеев К.Ф.** Сочинения. – М., 1988.
17. **Федоров В.А.** Декабристы и их время. – М., 1992.
18. **Федотов Г.П.** Трагедия интеллигенции // О России и русской философской культуре.
19. Философский энциклопедический словарь. – М., 1989.
20. **Шкуратов В.А.** Историческая психология. – М., 1997.

SUMMARY

The article deals with the study of Decembrism and Russian intelligensia. The emphasis is done on the theory of mentality enabling to give a more accurate and detailed appraisal of such complex phenomena as Decembrism, the revolutionary character of nobility, Russian intelligensia. Special attention is paid to the inner world of Decembrists, their readiness to sacrifice their own privileges for the love of people and to the reasons of their refusal of moral ideals of the Desembrist epoch.